КОЛЛЕКЦИЯ ЗАБОРСКОГО КЛУБА
ОЛЕГ
ПЛАТОНОВ
БОГ В ПРАВДЕ!
ВРЕМЯ РАЗРУШАТЬ МИФЫ

Коллекция Изборского клуба

Олег Платонов

Бог в правде! Время разрушать мифы

«Книжный мир»

2015

Платонов О. А.

Бог в правде! Время разрушать мифы / О. А. Платонов — «Книжный мир», 2015 — (Коллекция Изборского клуба)

ISBN 978-5-8041-0782-7

В тайной и явной борьбе Запада против России заключается главное противоречие нашей эпохи. На наше Отечество, на Великую Россию ополчились все силы мирового зла, все внешние и внутренние враги, для которых наша страна является последним препятствием на пути мирового господства Запада. В битве за Россию участвуют все русские патриоты, все граждане России, осознающие себя ее частью, а ее духовные ценности – своими ценностями. Русофобия – стержень и идеология внешней политики США и других стран Запада, для которых Россия – основное препятствие на пути к мировому господству. В книге «Время разрушать мифы» русского историка, экономиста, писателя, директора Института русской цивилизации Олега Платонова раскрываются неизвестные страницы противостояния двух цивилизаций – русской христианской, духовной и западной антихристианской, потребительской. Автор развеивает мифы о России, созданные либералами и коммунистами, разоблачает фальсификации русской истории, призванные разрушить связь времен, отвратить народ от своих корней и духовного наследия, а значит, лишить будущего.

ISBN 978-5-8041-0782-7

© Платонов О. А., 2015
© Книжный мир, 2015

Содержание

От автора 6
Время разрушать мифы 7
Русский путь в экономике 15
1 16
2 18
3 19
4 20
5 21
Основные выводы 22
Необходимо вернуться к национальной модели хозяйства 23
«У опасной черты» 25
Русская цивилизация 30
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Олег Платонов
Бог в правде! Время разрушать мифы

© Платонов О. А., 2015
© Изборский клуб, 2015
© Книжный мир, 2015

От автора

На наше Отечество, на Великую Россию ополчились все силы мирового зла, все внешние и внутренние враги, для которых наша страна является последним препятствием на пути мирового господства Запада. В битве за Россию участвуют все русские патриоты, все граждан России, осознающие себя ее частью, а ее духовные ценности – своими ценностями.

Несмотря на огромные потери, наша страна выстояла. Хотя все произошло не так, как хотелось русским патриотам-государственникам, но и совсем не так, как о том мечтали наши враги. Тем не менее, сегодня мы ощутимо ближе к национальным началам, чем были в середине 1990-х годов. Реальный сдвиг в самосознании общества произошел в нашу сторону. Да, еще сильны позиции западно-ориентированных политиков и банкиров, но они уже не полностью контролируют политические процессы. В России появился национальный капитал и связанные с ним национальные политики. Патриотические идеи стали ресурсом государственной власти. Еще предстоит сделать очень много для возрождения русской идеологии, исторических духовных ценностей России, очистить власть от духа наживы, потребительства и либерализма. И это тоже часть нашей борьбы за Россию. Она происходит в наших душах и затрагивает всех россиян.

Последнюю четверть века я был в самой гуще событий, сознательно стремился в самые горячие точки, сознательно занимался изучением самых острых вопросов, которые вставали перед русскими людьми. Каждый раз я в силу своих возможностей стремился дать на них русский ответ.

В настоящей книге я предлагаю читателям свои работы, в которых выражалось мое видение событий, мои ответы на вызовы, с которыми Россия сталкивалась с середины 1980-х годов и по сей день. По-моему, идеи, высказанные в них, не потеряли актуальности и в наше время. Особое внимание в этой книге уделено развенчанию мифов о России. История нашей страны, начиная с XIX века, была соткана из враждебных мифов. Либералами и коммунистами создается фальшивый образ России как страны слабой, отсталой и духовно-неполноценной, которая должна либо пойти по пути Запада, либо «жить при коммунистах». И то и другое не соответствует внутреннему содержанию России, ибо она является особой цивилизацией, развивающейся по собственной шкале координат. Любые попытки заставить ее идти чужим путем приводят к катастрофе. Это я постараюсь показать в своей книге.

Олег Платонов

Время разрушать мифы

Выступление на декабрьской научно-теоретической конференции «Перестройка и судьба России» в Общественно-политическом центре МК КПСС (Москва, Цветной бульвар, 26 декабря 1989 года)

Нынешние леворадикалы (особенно из числа сторонников Межрегиональной депутатской группы), впрочем, как и их предшественники времен гражданской войны, распространяют миф о том, что одной из главных причин российской трагедии XX века является присущее русскому народу стремление к уравнительному распределению и уравнительности (не работать, а взять да поделить). По их мнению, желание наших соотечественников насадить эту уравнительность привело к массовым репрессиям, автогеноциду русского народа. «Внутри страны, – пишет один из современных леворадикалов, С. Чернышов, – концентрация и брожение уравнительного начала обернулись ядом репрессий, вытравливанием творческой свободы». Но ведь наша история говорит о другом. Принципы уравнительности в распределении были принесены на нашу землю из-за рубежа леворадикальными публицистами и учеными в форме различных социалистических утопий и ими же начали насаждаться после 1917 года. Русскому же народу, как мы покажем ниже, принцип уравнительности был противен. Ведь именно в противостоянии социалистическим утопиям уравнительного социализма погибло, по меньшей мере, 50 миллионов русских. Зачем же тогда русскому народу приписываются не свойственные ему черты? Да для того, чтобы переложить на его плечи ответственность за бойню, в которую ввергли страну леворадикально настроенные политики и ученые. Они и сегодня пытаются использовать этот аргумент, чтобы снять с себя ответственность за судьбы перестройки, которой, по их мнению, угрожает «сильное влияние ценностей уравнительности в массах трудящихся».

В этих высказываниях вся суть леворадикализма, которая объединяет людей, лишенных национального сознания, безнадежно оторванных от корней народной жизни. Леворадикалы 1918 года сулили нам утопический социализм как рай на земле, нынешние леворадикалы с таким же нахрапом обещают утопический капитализм – общество благоденствия и изобилия. И тех, и других роднит одно – отрицание народных основ, традиций и идеалов, стремление уничтожить их во что бы то ни стало, заменив утопическими или заграничными формами жизни.

Умозрительный принцип уравнительности, придуманный западноевропейскими утопистами, объявляется идеалом русского народа.

И, конечно, первым (по сути дела, единственным) аргументом леворадикалов являются переделы земли в крестьянской общине. Забывается одно – заново делилась общая земля, а не результаты труда, не имущество, не инвентарь. Да, раз в 10-15-20 лет крестьяне собирались на сходку и в зависимости от изменения семейного положения перераспределяли между собой землю. Если в семье Ивановых народилось несколько детей, а в семье Петровых прибытка не было, то Иванову могли добавить земли. Делалось это для того, чтобы создать всем одинаковые условия приложить свой труд. Создание равных условий для приложения труда – прямая противоположность утопическому уравнительному распределению его результатов, которые внедряли у нас, скажем, Троцкий и другие леворадикалы времен гражданской войны или Сталин с Кагановичем в «коллективизацию».

То, что нынешние леворадикалы называют уравнительным распределением, на самом деле – поставленное с ног на голову в их искаженном сознании стремление русского человека к справедливости. Но не так, чтобы «взять и поделить», а взять и создать равенство в труде. Отсюда и недоверие русского человека к распределению по капиталу.

Один из самых распространенных мифов в истории труда в России – миф о нищенской оплате труда по сравнению с западноевропейскими странами.

Возник он в конце XIX века и усиленно пропагандировался российскими либералами и социалистами как подтверждение их тезиса о вековой культурной и экономической отсталости России. Утверждение о нищенской оплате труда в России стало общим местом, своего рода аксиомой, не требующей доказательств.

В 20-е годы XX века этот якобы бесспорный исторический факт решил проверить замечательный русский экономист и статистик С. Г. Струмилин. Он поднял архивные материалы, произвел необходимые расчеты и пришел совсем к иным выводам. Оплата труда в России была далеко не нищенской, а ее уровень во многих случаях был даже выше уровня оплаты труда основных западноевропейских стран.

Данные свидетельствовали о том, что еще в древности в России сложился довольно высокий уровень оплаты труда. Митрополит Макарий в своей «Истории русской церкви» приводит историческое предание о Ярославе Мудром, решившем в середине XI века построить Георгиевскую церковь в Киеве, но вначале не нашедшем достаточно строителей.

Князь спросил: отчего мало делателей? Ему ответили: люди боятся, что лишены будут платы. Тогда князь приказал возить куны на телегах к месту стройки и объявить на торгу, что каждый получит «за труд по ногате на день». Следует сказать, что за ногату в те времена можно было купить целого барана.

Сколько же получали русские рабочие в XVII веке? Имеющиеся сведения, относящиеся к 1647 году, говорят о том, что средний заработок в день рабочих-металлистов составлял для мастера 57 копеек, для подмастерья – 38 копеек, для работника – около 10 копеек. В год это выражалось, считая 250 рабочих дней в году, для мастера – 145 рублей, для подмастерья – 95 рублей, для работника – 25 рублей. По тем временам, учитывая дешевизну продуктов, такая плата была достаточно высокой, пожалуй, одной из самых высоких в мире. Ведь на эти деньги даже работник мог купить в день не менее 50 килограммов ржи, а уж мастер был очень зажиточным человеком.

Достаточно высокий и устойчивый уровень оплаты труда (прерываемый, конечно, периодами засух, неурожаев, войн и общественных смут) наблюдался в XVII веке и у сельскохозяйственных рабочих. Так, исследователь С. Тхоржевский определил, что поденная заработная плата наемных крестьянских работников в 1640 году в Курской и Воронежской областях России при пахоте, жнитве и молотьбе составляла 10 денег (5 копеек) в день, а женщина-жнея получала поденно 3 копейки. На эти деньги крестьянин мужчина мог купить 24 килограмма ржи, а женщина – 15 килограммов. Почти через триста лет – в 1909–1913 годах – средняя заработная плата русского сельхозрабочего в этих же местах была 96 копеек в день у мужчин (поднимаясь во время уборки хлеба в Воронежской губернии до 1 рубля 10 копеек) и 61 копейка у женщин. По расчетам академика Струмилина, рабочий мужчина мог купить на свой дневной заработок (исходя из цены ржи в 1910–1913 годах) – около 23 килограммов ржи, а женщина – около 14 килограммов. Итак, отмечает С. Тхоржевский, за 300 лет мы почти не видим перемены: поденный корм сельхозработника XVII века приблизительно равен (чуть выше) поденной заработной платы сельхозрабочего начала XX века в тех же самых местах.

А каково было положение крепостных крестьян? Может быть, как раз к ним относилось мнение о нищенской оплате труда в России?

Но и здесь данные свидетельствуют несколько об ином.

Экономическое и имущественное положение русский крепостных крестьян в среднем было лучше положения крепостных крестьян в странах Западной Европы и, прежде всего, Германии и Франции.

Видный исследователь положения русского крестьянства Семевский провел подробное сопоставление повинностей, которые оплачивали или отрабатывали крепостные крестьяне в

России и зарубежных странах, и сделал вывод, что эти повинности были примерно одинаковыми. Однако русские крестьяне имели два важных преимущества – гораздо больше земли и различных угодий на душу сельского населения, а также определенную социальную защищенность в форме крестьянской общины. Как правило, крестьянин не мог быть обезземелен или стать нищим, ибо во многих случаях община помогала своим нуждающимся крестьянам. В России не было такого имущественного расслоения крестьянства, как в Европе, где богатство небольшой части сельского населения покупалось ценой батрачества и обезземеливания абсолютного большинства крестьян.

Русские крестьяне в отличие от западноевропейских имели гораздо больше земли.

В середине XVIII века даже на помещичьих землях средний душевой надел составлял 10 десятин, куда входили пашни, покосы, усадебные земли, лес.

В первой половине XIX века среднедушевой надел крестьян снизился в связи со значительным ростом населения и составлял, по нашей оценке, не менее 7 десятин. Хотя колебания здесь были огромные.

В разных уездах Новгородской губернии на душу приходилось от 5 до 16 десятин. Но в некоторых, даже густонаселенных районах, например, в Тверской губернии, крестьяне некоторых помещиков имели по 15–20 десятин на душу.

Перед отменой крепостного права были собраны подробные сведения о количестве земли, находившейся в распоряжении помещиков и предоставленной в пользование крестьянам. Оказывается, в 1860 году в Европейской России из 105 миллионов десятин земли, принадлежащей помещикам, 36 миллионов десятин было предоставлено крепостным крестьянам, а 69 миллионов десятин находились в распоряжении помещиков. Крепостных крестьян без дворовых было 9,8 миллиона душ мужского пола, то есть на душу крепостного крестьянина приходилось в среднем по России 3–4 десятины земли, хотя по отдельным губерниям были и колебания. Так, в Курской губернии на душу крепостного крестьянина имелось 2,3 десятины, в Тульской – 2,4, в Астраханской – 3, в Олонецкой – 7. Приведенные цифры на душу населения следует увеличить в 2–3 раза, и получаем средний размер земельного участка, приходящегося на хозяйство – 6-12 десятин, что значительно превышало средний размер хозяйства, находящегося в личном пользовании у фермеров во Франции того же времени. И это в России середины XIX века, в условиях возрастающей нехватки земель!

Но вернемся в XVIII век. В это время самой высокой оплатой труда в западноевропейских странах славилась Англия. Однако уровень оплаты труда рабочих в ней значительно отставал от оплаты труда российских рабочих. Если в 1767 году рядовой английский рабочий мог купить на свою дневную зарплату 6 килограммов зерна, то русский рабочий – 10–11 килограммов. Говядины на свой заработок английский рабочий мог купить в два раза меньше, чем русский. В целом уровень оплаты труда русского рабочего в XVIII веке был в два раза выше английского и почти в три раза выше французского.

В России сложилось так, что большинство рабочих на городских фабриках и заводах являлись членами сельских общин и имели землю. Фабриканту, чтобы привлечь их к работе на фабрике, нужно было платить больше, чем они могли заработать на земле.

Возьмем, к примеру, Сестрорецкий оружейный завод в окрестностях Петербурга. Здесь в 1728 году мастера получали 120–240 рублей в год (а иностранные мастера намного больше), подмастерья – 60 рублей, кузнецы – от 12 до 24 рублей. Кроме того, большинство рабочих получало продукты – муку и крупу.

Почти через полтора столетия, в 1860–1867 годах, заработок рабочих-металлистов Сестрорецкого завода составлял для стволоделов – 135 рублей в год (52 копейки в день), для кузнецов – 86-113 рублей в год (32–43 копейки в день), для замочников и литейщиков – 106 рублей в год (40 копеек в день), для шлифовальщиков – 128 рублей в год (48 копеек в день), для столяров – 116 рублей в год (44 копейки в день).

Для конца XIX – начала XX века у нас есть сведения о заработках рабочих-металлистов по 17 петербургским заводам. В среднем они составляли на одного рабочего в год: в 1891 году 359 рублей (или 1 рубль 25 копеек в день), в 1901 году – 431 рубль (1 рубль 50 копеек в день) и в 1904 году – 471 рубль (1 рубль 60 копеек в день).

В середине XIX века в России путешествовал замечательный немецкий ученый барон Гакстгаузен, посетивший большое количество российских предприятий и изучивший систему оплаты труда на них. Вывод его был таков: «Ни в одной стране заработная плата (фабричных рабочих) не достигает такой высоты, как в России». «Даже денежная заработная плата в России, – писал он, – в общем выше, чем в Германии. Что же касается до реальной платы, то преимущество русского рабочего перед заграничным в этом отношении еще значительнее».

Перед самой революцией, в феврале 1917 года Обуховский сталелитейный завод в Петербурге определил минимальный прожиточный минимум среднего рабочего. Он равнялся для рабочего семейства из трех человек 169 рублей, из которых 29 рублей шли на жилье, 42 рубля – на одежду и обувь, остальные 98 рублей – на питание.

Академику Струмилину удалось доказать, что и в начале XX века заработки российских рабочих в крупной и средней промышленности были одними из самых высоких в мире, занимая второе место после заработков американских рабочих. Вот ход его рассуждений: средний годовой заработок в обрабатывающей промышленности США по цензу 1914 года достигал 573 долларов в год, 11,02 доллара в неделю, или 1,84 доллара в день. В перерасчете на русскую валюту дневной заработок американского рабочего составлял 3 рубля 61 копейку золотом. В России, по массовым данным 1913 года, годовой заработок рабочих деньгами и натурой достигал за 257,4 рабочих дня 300 рублей, то есть не превышал 1 рубля 16 копеек в день, не достигая, таким образом, и трети американской нормы. Отсюда и делались обычно выводы о резком отставании уровня жизни российских рабочих от американских стандартов. Но с учетом сравнительной дороговизны жизни в этих странах выводы получаются другие. При сравнении розничных цен на важнейшие пищевые продукты оказывается, что они стоят в США в три раза дороже, чем в России. Опираясь на эти сравнения, академик Струмилин делает вывод, что уровень реальной оплаты труда в промышленности России следует оценить не ниже 85 процентов американского. Таким образом, уровень оплаты труда в промышленности России был достаточно высок и опережал плату за труд в Англии, Германии, Франции.

Кстати, весьма показательным для понимания экономического положения российских трудящихся является потребление мяса и мясных продуктов, составившее в 1913 году 70,4 килограмма в год (в США – 71,8 кг). Еще более высоким потреблением мяса было в городах Российской империи – в среднем 88 килограммов на душу населения, при этом в Москве – 87, в Петербурге – 94, во Владимире и Вологде – 107, в Воронеже – 147. Еще больше мяса потреблялось в городах Сибири и Дальнего Востока.

Так что же обеспечивало относительно высокий уровень оплаты труда и потребления российских тружеников в течение многих веков?

Ответ на это прост: изобилие земли и природных ресурсов, а главное – трудолюбие народа.

Положение с оплатой труда резко ухудшилось после прихода к власти леворадикалов, начавших с 1918 года насаждать утопические идеи уравнительного распределения, когда стала осуществляться жесткая централизация оплаты труда в сторону всеобщей уравнительности и обезлички.

В 1919 году вводится единая для всей страны тарифная сетка с 35 разрядами и соотношением крайних разрядов 1:5. По первым 14 разрядам тарифицировались рабочие, а с 15-го разряда – инженерно-технический персонал.

Следующим шагом, доводящим до абсурда идею всеобщей централизации системы оплаты труда, стало «Общее положение о тарифе», подписанное Лениным в июне 1920 года.

Документ устанавливал общие для всей страны нормы выработки, которые исходили из данных о некой средней производительности труда. Декрет подробно расписывал тарифные ставки, нормы и порядок оплаты и премирования труда. Декларируя повышение производительности труда, опираясь на абстрактные утопические посылки, декрет на самом деле способствовал уравниловке, обезличке и дальнейшему падению производительности труда. К концу военного коммунизма зарплата была натурализована. Продукты выдавались рабочим и служащим по карточкам и твердым ценам, а в конце 1920 года – бесплатно. Бесплатно выдавалась также производственная одежда, бесплатными были различные коммунальные услуги и транспорт. По исчислениям С. Г. Струмилина, в 1920 году заработная плата натурой была в 12 раз больше ее денежной части, то есть создавалась идеальная уравниловка.

В 1920-е и 1930-е годы этап за этапом происходит чудовищное – планомерно снижается доля трудящихся во вновь произведенном продукте, в практику входит запланированная недоплата за труд. А. Рабинович в книге «Экономика труда», вышедшей в 1926 году, заявляет, что «высокая зарплата механически снижает норму прибавочной стоимости». Отсюда делается вывод о необходимости повышения прибавочной стоимости за счет снижения заработной платы. Доля оплаты труда в чистом продукте промышленности, составлявшая в 1908 году 55 процентов, в 1928 году – 58 процентов, в 30-40-е годы резко снизилась, а в 1950 году не превышала 33 процентов. Таким образом, на каждые три рубля, заработанных советским рабочим, два отдавалось в казну, тогда как в США из трех произведенных долларов два доллара рабочий оставлял себе. Формирование фонда оплаты труда работников по остаточному принципу становится государственным делом.

В Большой Советской Энциклопедии 1930-х годов сообщалось, что «часть совокупного общественного продукта составляет фонд, предназначенный для возмещения израсходованных средств производства, для расширения общественных производственных фондов, для создания резервов… Остальную часть составляет фонд, предназначенный для удовлетворения потребностей социалистического общества в предметах потребления». Кстати говоря, в число первоочередных нужд включались и средства на содержание административного и репрессивного аппарата, что еще больше сужало совокупный фонд оплаты труда. Еще одним принципом объявлялось то, что «индивидуальная зарплата, получаемая рабочими, является лишь формой участия в распределении созданного всем классом продукта». Вот так обосновывалось обезличивание и уравнительность.

Основывающаяся на этих принципах оплата труда работников осуществлялась по тарифам, выработанным на самом верху бюрократического аппарата, и почти не учитывала местные и отраслевые особенности. Более того, оплата рабочих, выполнявших один и тот же труд, могла произвольно устанавливаться центром по-разному для разных отраслей или даже отдельных предприятий, исходя из «высших государственных соображений». Слесарь или токарь в машиностроении получал значительно больше, чем в пищевой или легкой промышленности. Использование тарифных документов, не отражающих прямой связи между затратами и оплатой труда, свело к абсурду саму идею справедливого вознаграждения, материального стимулирования, обусловливало выводиловку, потолок оплаты, уравниловку.

Огромный вред складыванию системы материального стимулирования нанес сложившийся в 1930-е годы неэквивалентный обмен между государством и трудящимися. За счет значительного косвенного налогообложения, по сути дела «дани», за товары ширпотреба рабочим и крестьянам приходилось платить больше, чем они реально стоили. А, как известно, в условиях завышенных цен материальные стимулы для большей части населения работают слабо.

Положение российских трудящихся ухудшилось еще и тем, что Россия была поставлена в неравноправные экономические условия и была вынуждена безвозмездно отдавать часть своих ресурсов для развития других союзных республик. Делалось это через систему дотаций

и неравноправных цен на российские продукты. Все это снижало реальную заработную плату российского труженика.

Начиная с конца 20-х годов прошлого века, и без того плохие по сравнению с 1913 годом условия труда рабочих становились все хуже и хуже. Как писал в своих воспоминаниях Хрущев, бывший тогда секретарем МК ВКП(б): «Рабочих вербовали (а, точнее, направляли по разнарядке. – *О. П.*) из деревни, селили в бараки, там люди жили в немыслимых условиях: грязь, клопы, тараканы и, главное, плохое питание, плохое обеспечение производственной одеждой. Вообще с одеждой было трудно, не купишь. Все это, естественно, вызывало недовольство. Раздражали людей и пересмотры коллективных договоров, связанные с пересмотром норм выработки, расценок. К примеру, была такая-то норма, а потом, после Нового года, вдруг на 10–15 процентов выше при тех же расценках и даже меньших».

Средняя месячная зарплата рабочего позволяла купить в 1913 году 333 кг черного хлеба, в 1936 году – 241 кг, масла – 21 кг и 13 кг, мяса – 53 кг и 19 кг, сахара – 83 кг и 56 кг. В годы нэпа рабочий тратил на питание около 50 процентов своей заработной платы, а в 1935-м – 67,3 процента.

По официальным данным, заработная плата советского рабочего возросла за 1929–1953 годы почти в 11 раз. Однако эти данные не учитывали гигантского роста стоимости жизни. По расчетам американского ученого Жанет Чепмен, стоимость жизни в СССР по сравнению с 1928 годом возросла в 1937 году в 5 раз, в 1940 году – уже в 7 раз, а в 1952 году – в 11 раз. И эти данные совсем не удивляют, если посмотреть на ценники товаров в разные годы. Цены на печеный ржаной хлеб возросли с 1928 по 1937 год в 10 раз, а к 1952 году – в 19 раз! Цены на говядину 1-го сорта в 16 и 17 раз; на свинину в 10 и 20 раз; на сахар в 6 и 15 раз; на подсолнечное масло в 28 и 34 раза; на яйца в 11 и 19 раз; на картофель в 5 и 11 раз! Вместе с тем увеличивались суммы обязательной подписки на займы и налоги. В результате в 1952 году уровень заработной платы был ниже уровня 1928 года, хотя и превышал уровень зарплаты предвоенных лет.

Ж. Чепмен производит расчет, сколько продуктов может купить рабочий за 1 час работы в СССР и зарубежных странах. Так вот, если в 1928 году советский рабочий мог купить продуктов за 1 час работы в 4 раза меньше, чем американский, и в 2 раза меньше, чем английский, то в 1950 году – уже в 7 раз меньше, чем американский, и в 4 раза меньше, чем английский.

В 1929 году снова вводится карточная система: рабочий, провозглашенный хозяином страны, получает 600 граммов хлеба в день, а члены его семьи по 300 граммов, жиров от 200 граммов до 1 литра, 1 килограмм сахара в месяц. В 1930 и 1931 годах размеры выдачи по карточкам снизились. Мясо по карточкам почти не выдавалось, купить его можно было только на рынке.

Для сравнения скажем: уровень питания в средней русской артели середины XIX века был в 3–5 раз выше, чем советского рабочего на стройках социализма в 1930-е годы. В артелях, например, полагалось на день граммов по 300 мяса, а хлеба и каши сколько съешь, как тогда говорилось – «от пуза».

Десятилетия, которые минули со смерти Сталина, мало что изменили в сложившейся в его время системе вознаграждения за труд. Она по-прежнему остается несправедливой, в большей степени уравнительной, противоречащей народной психологии, вызывая апатию, раздражение и даже пассивный саботаж. Ведь по сей день продолжается практика недоплаты за труд, нарушается право трудящихся получать экономически обоснованную долю во вновь произведенном продукте. Сегодня удельный вес оплаты труда в стоимости чистого продукта промышленности не превышает 37 процентов (в США 80-х годов XX века 60–70 процентов), то есть, как и при Сталине, у рабочего отчуждалось две трети созданного продукта. Да и методы отчуждения были те же самые. Трудящиеся вынуждены платить за промышленные товары в

среднем в 2 раза больше, чем они реально стоят (а по некоторым товарам – во много раз). На полную мощность работает печатный станок, выпуская деньги, не обеспеченные товарами.

Еще больше усилилось экономическое неравноправие РСФСР, Российские ресурсы через систему дотаций и низких цен на российские продукты вывозятся в другие республики, перекачиваются в их пользу (а это около 70 млрд. рублей), сокращая и без того нищенский прожиточный минимум российских тружеников. Из кармана каждого жителя России как минимум изымается около 500 рублей в год.

Еще большее снижение уровня реальной заработной платы трудящихся происходит в результате бурного накопления в руках дельцов теневой экономики баснословных капиталов, украденных у народа путем различных махинаций и спекуляций. Сегодня общий объем воровских капиталов оценивается до 500 млрд. рублей, а это больше годового фонда потребления всего населения СССР. Сосредоточив в своих руках такую экономическую власть, дельцы теневой экономики контролируют 25–30 процентов нашего народного хозяйства, активно влияя на уровень реальной заработной платы. Ежегодно из кармана каждого труженика уплывает в лапы дельцов и махинаторов не менее тысячи рублей.

В общем, две трети своего рабочего дня простой труженик занят тем, чтобы прокормить ораву бесполезных чиновников и конторских служащих, легионы спекулянтов, махинаторов, дельцов-теневиков и их прожорливое окружение. Как сказано выше, в 1914 году зарплата рабочих в крупной промышленности была в России одной из самых высоких в мире, приближаясь к американской, а сегодня она одна из самых низких – составляя не более 15–20 процентов от уровня США. Многие простые труженики остро ощущают то, что за их счет паразитируют большие слои людей. Специальный опрос, произведенный в Москве в начале 1980-х годов, показал, что 51 процент мужчин и 43 процента женщин считают вознаграждение за свой труд не соответствующим трудовому вкладу. По расчетам экономиста А. Зайченко, 86,5 процентов населения нашей страны относятся к малообеспеченным, а по американским стандартам живут ниже уровня бедности. Остальные 13,5 процента – это богатые и обеспеченные семьи. Однако богатство и обеспеченность многих – результат незаконной деятельности. По оценкам того же экономиста, две трети богатых семей построили свое богатство на незаконных, воровских источниках дохода. А среди обеспеченных семей половина паразитирует на дефицитных товарах, украденных опять же у народа. Неужели труженики могут снисходительно относиться к этим слоям населения? Конечно, нет. Вполне законно их требование провести денежную реформу и ввести декларацию доходов и имущества (существующие, кстати, во всем мире). И не уравнительности требуют трудящиеся, когда выступают за денежную реформу и декларацию доходов, а элементарной справедливости. Богатства, сколоченные на взятках, махинациях, спекуляциях, использовании своего должностного положения в корыстных целях, должны быть ликвидированы. Пока это не произойдет, перестройка будет игрушкой в руках преступных элементов. Денежная реформа, декларирование имущества должны быть проведены как можно раньше. Каждому гражданину по паспорту нужно обменивать до 30 тыс. рублей, а обмен денег выше этой суммы должен производиться после заполнения декларации о доходах, после доказательства честного происхождения этих денег.

Наши леворадикалы, выступающие против денежной реформы, не могут не знать, что подобные меры – не редкость в западных странах. Например, во Франции после Второй мировой войны развелось слишком много подпольных миллионеров, разбогатевших незаконные образом. Государство сделало так. Объявило обмен старых денег на новые. При этом каждый должен был объяснить, каким образом он свои средства заработал. Сумел объяснить – получай в новых деньгах всю сумму. Не сумел – никто ничего не выяснял, просто меняли половину от предъявленной суммы, а другая половина в виде налога изымалась в бюджет. Таким образом, теневой экономике пришел конец.

Конечно, ликвидация воровских капиталов еще не восстановит справедливость в вознаграждении за труд. Ибо корни несправедливости уходят гораздо глубже. Следует провести поэтапное повышение доли оплаты труда в национальном доходе до той справедливой меры, которая существовала в нашей стране в начале века, то есть фактически ликвидировать остаточный принцип в формировании фонда зарплаты. Постепенно надо отменить позорную «дань», которую государство взимает с населения при покупке товаров широкого потребления, так называемый налог с оборота, необходимо восстановить экономическое равноправие России, прекратить перекачку российских ресурсов в пользу других союзных республик через систему дотаций и занижения цен на российские продукты, являющуюся фактическим изъятием доходов российских тружеников. Все это позволит увеличить долю оплаты труда, восстановить справедливость в распределении его результатов, обеспечит нормальные условия приложения труда и, следовательно, повысит его качество и производительность.

Русский путь в экономике

Выступление на круглом столе «Труд и предпринимательство в России» в Институте философии АН СССР (ноябрь 1992 г.)

Исследуя русский путь развития экономики, прежде всего, следует отказаться от западных критериев его оценки и рассматривать хозяйственную систему исторической России как самобытный хозяйственный механизм, развивавшийся по собственным критериям. Исходя из этого подхода, мы можем доказать, что хозяйственная система России была высокоэффективной в рамках внутренних потребностей. Наличие достаточно эффективного хозяйственного механизма подтверждается самим фактом существования тысячелетнего Российского государства, осуществившего хозяйственное освоение огромных территорий, строительство тысяч городов, обеспечивавшего армию и тыл в борьбе с полчищами захватчиков, опираясь только на свои внутренние возможности.

Чтобы понять самобытность русского пути в экономике, нужно рассмотреть вопрос о моделях хозяйственного развития.

1

На сегодняшний день вопрос этот хорошо изучен. Так, например, в недавно вышедшей в США книге «Идеология и конкурентоспособность наций» аргументировано доказывается, что экономический успех любой страны зависит от того, чтобы не было противоречия между национальными традициями страны и ее социальной и хозяйственной практикой.

Национальные традиции могут либо способствовать экономическому успеху нации, либо, если они не учитываются, способствовать ее застою. В первом случае они выступают надежной опорой правительству, предпринимателям и профсоюзам в их конкурентной борьбе в мире. Эффективность национальных традиций как мобилизующей общественной силы носит исторический характер и по-разному проявляется в разные эпохи.

В большинстве западноевропейских стран и в США хозяйственный механизм сформировался на основе идеологии индивидуализма и предполагает «атомистическую концепцию общества», в котором конечным источником ценностей и их иерархии выступает отдельный человек и интересы любой конкретной общности «определяются в эгоистической конкурентной борьбе множества собственников».

На несколько иных началах строились хозяйственные механизмы таких стран, как Япония, Южная Корея, Тайвань, сохранивших национальные традиции и обычаи многовековой общинной жизни и рассматривающие общество не как простую сумму отдельных людей, а как нечто большее, как целое, которое имеет особые потребности, выходящие за пределы потребностей отдельных его членов. Согласно такой общинной (коммунитарной) идеологии полная отдача трудового потенциала каждого отдельного человека зависит от его места в общности, от степени участия в социальном процессе. Если общность – заводская, территориальная или государственная – хорошо «устроена», ее члены будут обладать сильным чувством тождественности с ней и смогут полностью использовать свои человеческие возможности. Если общность «устроена» плохо, народ будет испытывать отчуждение, рухнут его надежды, а экономика окажется в кризисном состоянии. В общем во множестве страновых проявлений хозяйственного развития и трудовой деятельности отчетливо проглядываются две, так сказать, базовые модели.

И здесь, прежде всего, следует сказать о той модели, которая была антиподом российской модели экономики. **Ее можно условно назвать «индивидуалистической», она основана на жесткой конкуренции, индивидуализме в проявлении жизненных интересов («каждый сам за себя»), отлаженной иерархо-бюрократической организации, необходимой в условиях острой конкурентной борьбы; эффективный и качественный труд мотивировался в ней преимущественно материальными интересами**. Возникла она в густо населенных странах в условиях крайнего дефицита экономических ресурсов. Примером может служить экономика западноевропейских стран и США. Западная экономика как самобытный тип хозяйственного развития рождается с эпохи открытия Америки и колониальных захватов, когда вооруженные до зубов европейцы вырезали целые народы, делали миллионы людей своими рабами, а в Европу шли корабли, нагруженные товарами, захваченными в колониях бесплатно или за бесценок. Именно с этого периода ведет начало и существует вплоть до наших дней парадигма западной экономики – парадигма агрессивного потребительства, ставившего во главу угла общественного развития уровень потребления товаров и услуг, превратившегося сегодня в настоящую гонку потребления.

Важно иметь в виду, что первоначальное накопление западных стран осуществлялось не за счет своего труда, а за счет ограбления колоний, обращения их жителей в рабство. После первых двух столетий колониального господства в среднем на каждого европейца приходилось несколько убитых и порабощенных жителей колоний.

Именно с тех времен стремление к ограблению других стран и неравноправный обмен с ними стали еще одной парадигмой развития западной экономики.

Именно на этом покоится ее экономическое процветание. Даже сегодня, по заниженным расчетам ООН, западные страны недоплачивают странам – поставщикам сырья за их ресурсы не менее 40 % их стоимости. Если эту стоимость разложить на все население Запада (малочисленное по сравнению со странами – поставщиками сырья), то в западных странах на одну единицу национального дохода, созданного собственным трудом, приходятся две и более единицы, полученные в результате эксплуатации других народов. Существующая сегодня система цен на ресурсы выгодна только Западу и поддерживается под его диктатом, в том числе военном.

Кроме неравноправного обмена Запад эксплуатирует другие страны, используя их рабочую силу на производствах и видах деятельности, куда представители западного мира, как правило, не идут из-за их непривлекательности и низкой оплаты. Кроме того, Запад переносит за границу некоторые виды производства, связанные с привлечением неквалифицированного труда, а также экологически вредные производства.

По оценкам ООН, западные страны, составляющие сегодня 20 % населения мира, присваивают 80 % национального дохода, принадлежащего всему человечеству. Только часть этого дохода западных стран получена за счет более высокой производительности труда, главное же относится к нетрудовому доходу в результате неэквивалентного обмена со странами – поставщиками сырья и недоплаты за труд рабочих из развивающихся стран. Сегодня, по сути дела, все человечество продолжает за свой счет субсидировать процветание западной цивилизации, которая в потребительской гонке жадно пожирает ресурсы, принадлежащие всему человечеству, подводя его к экономической катастрофе.

2

Обрисовав в общих чертах особенности развития западной экономики агрессивного потребительства, мы можем более реально показать ее отличие от русской модели экономического развития.

Итак, в отличие от западных ориентиров на гонку потребления, в России сложилась экономика разумного достатка.

Она относится к типу общинной модели экономики, которая кроме России наблюдалась в целом ряде других стран, например, Японии, Тайване, Южной Корее.

Русская модель экономики развивалась на традиционных ценностях крестьянской общины и артели, взаимопомощи, трудовой демократии, местном самоуправлении. Эффективный труд мотивировался в ней преимущественно моральными, а не материальными стимулами.

Экономические отношения в большинстве случаев исключали стремление к богатству как самоцели. Предпочтение отдавалось разумному достатку, а не накопительству, которое чаще всего осуждалось. «Тот богат, кто нужды не знат». «Богаты не будем, а сыты будем».

Такая модель экономического развития вовсе не означала ориентации на бедность и экономический застой.

В начале XX века народное хозяйство России развивалось значительно быстрее экономики США и других стран, выходило на передовые рубежи техники и технологии. Крупная промышленность России создавала продукцию на уровне лучших мировых образцов. Оплата труда рабочих в крупной промышленности была одной и самых высоких в мире.

По производству главнейших культур Россия стояла на первом месте в мире, выращивая больше половины мирового производства ржи, около четверти пшеницы, овса и картофеля. Россия была главным экспортером сельскохозяйственной продукции, первой «житницей Европы», на которую приходилось две пятых всего мирового экспорта крестьянской продукции. Успехи русской экономики в начале XX века можно сравнить только с японским «экономическим чудом» последних десятилетий. Секрет этого чуда – в соединении элементов традиционной культуры с западной техникой и технологией.

3

Русская модель экономики в самых общих чертах сложилась еще до принятия христианства. Во всяком случае, в первом своде русских законов «Русская правда» уже отражаются развитые экономические отношения. Когда читаешь статьи «Русской правды», то убеждаешься, что она могла возникнуть в обществе, где важнейшим занятием была торговля, а интересы жителей тесно связаны с результатом торговых операций.

«”Правда”, – пишет историк В. О. Ключевский, – строго отличает отдачу имущества на хранение – «поклажу» от «займа», простой заем, одолжение по дружбе, от отдачи денег в рост из определенного условленного процента, процентный заем краткосрочный от долгосрочного, и, наконец, заем – от торговой комиссии и вклада в торговое компанейское предприятие из неопределенного барыша иди дивиденда. «Правда» дает далее определенный порядок взыскания долгов с несостоятельного должника при ликвидации его дел, умеет различать несостоятельность злостную от несчастной. Что такое торговый кредит и операции в кредит – хорошо известно «Русской Правде». Гости, иногородние или иноземные купцы «запускали товар» за купцов туземных, то есть продавали им в долг. Купец давал гостю, купцу-земляку, торговавшему с другими городами или землями, «куны в куплю», на комиссию для закупки ему товара на стороне; капиталист вверял купцу «куны в гостьбу», для оборота из барыша».

Городские предприниматели, справедливо отмечает Ключевский, являются то сотрудниками, то соперниками княжеской власти, что отражало их большую роль в обществе.

Конкретизируя особенности развития русской модели экономики, необходимо отметить два важнейших момента, придававших ей особое своеобразие – это отношение к труду как добродетели и отношение к собственности как функции труда.

4

Вопреки сложившимся на Западе формально-догматическим трактовкам труда, как проклятия Божьего, отношение к труду в Древней Руси носило живой, самоутверждающий характер. Христианский индивидуализм с его установкой на личное спасение, широко господствующий в западноевропейских странах, на Руси распространения не получил, что было, по-видимому, связано с характером русского народа, жившего в условиях общины и имевшего иное понимание жизненных ценностей. Спасение на Руси мыслилось через жизнь и покаяние на миру, через соборное соединение усилий и, наконец, через подвижничество, одной из форм которого был упорный труд. С самого начала зарождения Православия труд рассматривается как нравственное деяние, как богоугодное дело, как добродетель, а отнюдь не как проклятие.

В целом, говоря о главном, что составляло сущность русского труда в эпоху его расцвета, следует подчеркнуть, что он никогда не сводился к совокупности действий или навыков, а рассматривался как проявление духовной жизни, причем трудолюбие было характерным выражением духовности. Рассмотрение труда как понятия, имеющего преимущественно духовную основу, нашло свое отражение в работах таких русских мыслителей и экономистов, как С. Булгаков, Н. Бердяев, В. Соловьев, П. Флоренский, Д. Менделеев. В труде, считали они, выражается целостность бытия человека. Человек – субъект бытия – соединяется с природой, объектом бытия. Целостность этого процесса существует в сознании и имеет первостепенную духовно-нравственную и культурную значимость. Западная цивилизация несет в себе много элементов, разрушающих эту целостность, ведущих к отчуждению труда и разрушению личности человека. Цель органичного хозяйственного процесса – восстановить эту целостность, создать такое качество трудовой жизни, которое отвечает самым высоким требованиям человеческой личности.

Трудовая мотивация, построенная на принципе преобладания моральных форм понуждения к труду над материальными, была одной из главных основ культуры труда в России. Согласно этому принципу качественный и эффективный труд стимулировался не столько материальным вознаграждением, сколько различными внутренними моральными мотиваторами, основывающимися на народном представлении о труде как добродетели, выполнить который плохо или некачественно – грех, строго осуждаемый общественным мнением. В народном сознании выработалась идеология нестяжательства, презрение к погоне за наживой, богатством, что, конечно, не означало склонности российских тружеников работать бесплатно. За хорошо выполненный труд полагалась справедливая награда.

России принадлежит приоритет в развитии различных форм трудовой демократии, классическим образцом которых была артель. Именно в России впервые в мире зафиксированы факты рабочего самоуправления на предприятиях. Одно из известных, но не самых древних свидетельств относится к 1803 году, когда на Красносельской бумажной фабрике близ Петербурга рабочие заключили с владельцем договор, по которому фабрика в течение долгого срока находилась в управлении самих рабочих. Для руководства работ они выбирали из своей среды мастера, сами определяли продолжительность рабочего дня, порядок работы, распределение заработка. Еще в конце XIX века на многих российских заводах и фабриках были широко распространены артельные формы труда, когда артельщики брали на свой подряд цех или участок производства и отчитывались перед руководством только за количество и качество работы, а все вопросы по выполнению подряда и распределения заработка решали сами внутри артели. Артельные формы труда, существовавшие в России многие столетия, по своей организационной структуре близки автономным бригадам, широко распространенным в современных странах с рыночной экономикой.

5

«Работай – сыт будешь»; «Молись – спасешься; терпи – взмилуются». Русский человек знал твердо – источник благополучия и богатства – труд.

«Труд – отец богатства, земля – его мать». Собственность для русского человека – **это право труда, а не капитала**.

В народном сознании всегда была мысль, что единственным справедливым источником приобретения имущественных прав может быть только труд. Поэтому земля, которая не является продуктом труда, не должна находиться в личной собственности, а только во временном пользовании, право на которое может дать только труд. Большинство русских крестьян не знали частной собственности на землю. Отсюда социалистический идеал крестьянства, враждебно относившегося к частной собственности на землю. Земля в крестьянских общинах распределяется среди тех, кто ее обрабатывает, кто может приложить к ней свою руку. Отсюда и всеобщая вера русского крестьянина в черный передел, когда вся земля будет вновь переделена между теми, кто ее фактически обрабатывает.

В России гораздо в большей степени, чем на Западе, сохранилась непосредственная связь между трудящимся и продуктом его труда, сохранялись и юридические отношения особого трудового типа. С почти религиозным чувством крестьянин относился к праву собственности на те земельные продукты, которые были результатом труда человека. Украсть что-либо с поля, будь то хлеб или сено, считалось величайшим грехом и позором. Причем, крестьянин четко разделял предметы, являвшиеся результатом человеческого труда, и дары природы. Если кто срубит бортяное дерево (где отдельные лица держали пчел), тот вор, ибо он украл человеческий труд; кто рубил лес, никем не посеянный, тот пользуется даром Божьим, таким же даром, как вода и воздух.

Основные выводы

1. Главные параметры русской модели экономики, ставшие основой хозяйственного и трудового менталитета русских людей, должны учитываться при разработке любых экономических мероприятий, особенно это касается учета трудовой демократии и особенностей хозяйственной и трудовой мотивизации.

2. Западные критерии экономического развития не могут служить ориентиром для русской экономики. В гонке, которую осуществляет западный мир, опираясь на неравноправный обмен со странами – поставщиками сырья, наше место может быть только в лагере эксплуатируемых Западом. Более того, западная гонка потребления в условиях сокращающихся ресурсов человечества ведет его в тупик. Русская модель экономики, ориентируемая на разумный достаток и способная к самоограничению, дает человечеству возможный вариант выживания.

Необходимо вернуться к национальной модели хозяйства

Интервью журналу «Россия молодая» (декабрь 1991 г.)

– Олег Анатольевич! В то время, как многие российские экономисты видят выход из охватившего нас кризиса в заимствовании зарубежных моделей хозяйствования, Вы с необычайным пылом отстаиваете принцип национальных моделей хозяйственного развития, индивидуальный для всех стран. Понимаю, что пространные теоретические размышления на этот счет могут увести нас в мир абстракций, поэтому прошу Вас сразу же привести два конкретных примера – положительный и отрицательный – использования или, наоборот, пренебрежения национальной моделью хозяйственного развития?

– Пожалуйста. Самым ярким положительным примером является Япония. В этой стране опора на народные основы, традиции и идеалы стала неотъемлемым элементом экономической и социальной политики как в глобальном масштабе, так и на уровне предприятий.

Японская экономика основывается на прочном фундаменте выработанных веками духовно-нравственных ценностей общинного характера – долга, обязанности, лояльности и преобладания моральных форм понуждения к труду над материальными. А соединение элементов традиционной культуры с западной техникой и технологией и обусловили тот необычный феномен гигантского экономического роста, который мы сегодня именуем «японское экономическое чудо».

Контрастом является наша страна, наглядно демонстрируя все печальные последствия игнорирования национальных особенностей экономического развития.

В начале XX века народное хозяйство России развивалось значительно быстрее экономики США и других стран, выходило на передовые рубежи техники и технологии. В Москве только за сезон 1911 года было построено 3 тысячи пяти- и семиэтажных домов, по мнению специалистов, качество работ было исключительно высокое. Большинство из них до сих пор служат москвичам без капитального ремонта.

Крупная промышленность России создала продукцию на уровне лучших мировых образцов. Оплата труда рабочих в промышленности была одна из самых высоких в мире.

По производству главнейших культур (ржи, овса, картофеля) Россия стояла на первом месте в мире. Россия была главным экспортером сельскохозяйственной продукции, первой «житницей Европы», на которую приходилось две пятых мирового экспорта крестьянской продукции.

– Чем с позиций сегодняшнего дня можно объяснить этот феномен?

– Основой бурного экономического роста России явились общинно-артельные формы хозяйствования и труда, высокие трудовые качества российского работника. И если по части земельных переделов община в начале XX века исчерпала себя, то в части развития духовно-нравственных принципов труда она продолжала оставаться школой высших трудовых качеств – трудолюбия как добродетели, трудовой демократии. Русская артель существовала как в форме предприятия, так и в форме организации производства в отдельных подразделениях и цехах, являясь своего рода идеальной формой рабочего самоуправления, позволяя выявлять лучшие трудовые качества каждого работника.

Трагедия нашей экономики после 1917 года в том, что, оторвавшись от народных корней, она стала ареной всевозможных хозяйственных экспериментов. Вместо опоры на вековой хозяйственный опыт народа, использования национальной модели экономики все силы и энер-

гия были брошены на борьбу с ними как с чем-то враждебным и отжившим. В этой «борьбе» погибли десятки миллионов самых лучших, самых активных, самых работящих.

Сегодня перед нами удручающая картина экономики, отчужденной от человеческих нужд, подчиненной интересам нескольких сотен монопольных объединений и теневых мафиозных групп, разделивших страну на сферы влияния. В результате экономический потенциал России используется не более чем на четверть – невиданный в мировой истории итог общественной расточительности.

Катастрофически увеличился разрыв в производительности труда в нашей стране и США, и в особенности в производительности труда в сельском хозяйстве. Если в конце XIX века Россия сделала стремительный рывок к сокращению этого разрыва, то в последние 70 лет (за исключением некоторых периодов) наше экономическое отставание делается все более и более явным. Оторвавшись от народных корней, превратив сферу труда в арену всевозможных социальных экспериментов, подменив национальную модель трудовой деятельности набором «временных инструкций» – вспомним печальную кампанию «от съезда к съезду», мы все больше и больше теряем способность к продуктивному творческому труду. Сравните сами. В конце XIX века Великую Сибирскую дорогу протяженностью 7,5 тысячи километров строили десять лет 7 тысяч членов артелей при помощи кирки и тачки. Сегодняшнюю знаменитую Байкало-Амурскую магистраль протяженностью 3,1 тысячи километров во всеоружии современной техники тянули 15 лет не менее 50 тысяч строителей.

– Итог достаточно красноречивый. И какой, по-вашему, выход?

– Исконно российские качества – трудолюбие, добросовестное, старательное отношение к труду, самостоятельность, предприимчивость могут возродиться только при создании тех же условий, при которых они возникли и существовали раньше в общине и артели, и, прежде всего, народного самоуправления и трудовой демократии.

К сожалению, у нас сегодня преобладают противоположные тенденции к механическому копированию американских или западноевропейских форм как некоему образцу и идеалу (свободный рынок, безработица, западные формы материального стимулирования и организации производства).

Такая «сдвижка» к использованию западных форм крайне опасна, так как она уже в который раз отрубает нас о всего предшествующего хозяйственного опыта, огульно перечеркивает его как что-то устаревшее и ненужное.

– Но ведь Вы же не отрицаете необходимость использования зарубежного опыта?

– Конечно, мы должны и будем использовать западный опыт, применять западную технику и технологию, но проблемы это не решит до тех пор, пока мы не найдем в себе силы вернутся к национальной модели экономики, общинно-артельным принципам хозяйствования. Возвращение к народным основам вовсе не означает желания одеть современного человека в старые одежды, как, я уверен, интерпретируют это наши оппоненты, а предлагают культурные, социальные и психологические установки, выработанные многовековой историей народа и ставшие ориентирами его жизни. Не отвлекать огромные силы и энергию на борьбу с этими установками (как было это раньше, да впрочем, и сейчас), а использовать их в хозяйственном развитии.

Беседовал Владимир Волков

«У опасной черты»

Интервью газете «Ветеран» (февраль 1992 г.)

Исследования Олега Платонова не только дают ответ, как было в прошлом, но и могут послужить хорошим ориентиром в строительстве новой здоровой экономики, о чем свидетельствует беседа редактора отдела социально-экономических проблем С. Виноградовой с О. Платоновым.

– Вы написали книгу «Русский труд». Сразу же возникает естественный вопрос о названии: а разве труд не интернационален?

– Труд носит духовный характер. И как всякая духовная ценность, имеет национальную оболочку, вне которой существовать не может. Труд – это не набор трудовых функций, а часть национальной культуры и национального сознания. В труде проявляется величие и способность народа к творческому созиданию. Великая Россия, существовавшая еще в начале XX века, была результатом плодотворного труда многих поколений русских людей, и им было чем гордиться. Совсем иначе сегодня.

– Значит, разрушение государства, общества, распад во всех областях нашей жизни связаны с потерей способности к труду, к творческому созиданию?

– Именно так. И объясняется это утратой национального сознания значительной частью нашего общества, прежде всего интеллигенцией.

Человек, лишенный национального сознания, не понимает, как распорядиться огромным духовным наследием, созданным многими поколениями. Он начинает искать помощь за рубежом. Но никто нас кормить не будет, каждый народ кормится своим трудом. И наше спасение в возрождении утраченных ценностей.

– Что, по-вашему, было главным в русском труде?

– Его высокая духовность. Он никогда не сводился к совокупности трудовых функций, а рассматривался как проявление духовной жизни. Христианская идея спасения на Руси мыслилась через жизнь и покаяние на миру, через соборное соединение усилий и, наконец, через подвижничество, главной формой которого был труд. В народном сознании труд предстает как нравственное деяние, а труженики – как главное действующее лицо государства. Вспомните хотя бы былинных богатырей Илью Муромца и Микулу Селяниновича. А пословицы – «Без труда нет добра», «Делу время – потехе час», «Рукам работа – душе праздник»!

– А как насчет пословиц типа «Работа не волк, в лес не убежит»?

– У каждого народа есть свой разряд людей, которые работать не хотят, тут что-то на уровне патологии. Другой вопрос – почему эти постыдные пословицы так широко популяризовались у нас. Здесь «заслуга» той же интеллигенции, лишенной национального сознания, которая, слабо зная коренной слой, судила о трудовых качествах русского человека по разным деклассированным элементам, обитателям хитровых рынков и кабаков.

Вспомните, например, пьесу Горького «На дне», в которой лодыри, бездельники, уголовники представлены положительными героями. Их немного, но вокруг них создается ореол мучеников. Девяносто процентов населения, настоящие труженики, предстают темной массой по сравнению с всякими челкашами-алкашами… И не случайно именно их руками большевики терроризировали труженика во время революции и гражданской войны.

Или другой пример. Та же интеллигенция прочно приклеила ярлык ретроградского произведения такому памятнику литературы, как «Домострой».

– Да, чуть ли не с младенчества это слово ассоциируется с чем-то ужасно отсталым и мрачным.

– А на самом деле как раз нет. В этой широко распространенной книге XVI века создается настоящий идеал трудовой жизни русского человека: крестьянина, купца, боярина и даже князя (в то время еще классовое разделение осуществлялось не по признаку культуры, а больше по размеру имущества и числу слуг). Все в доме – и хозяева, и работники – должны трудиться, не покладая рук. Хозяйка, даже если у нее гости, «всегда бы над рукоделием сидела сама». Хозяин должен заниматься праведным трудом (это неоднократно подчеркивается), быть справедливым, бережливым и заботиться о своих домочадцах и работниках.

Хозяйка-жена должна быть «добрая, и трудолюбивая, и молчаливая». Слуги хорошие, чтобы «знали ремесло, кто кого достоин и какому ремеслу учен». Родители обязаны учить труду своих детей: «рукоделию – мать дочерей и мастерству – отец сыновей».

Книга проповедовала трудолюбие, добросовестность, бережливость, порядок и чистоту в хозяйстве. Отношения между хозяином и работником регулировались очень тактично.

Всякое рукоделие или ремесло, по «Домострою», следует исполнять, приготовясь, очистясь от всякой скверны и руки вымыв чисто, прежде всего святым образам поклониться трижды в землю – с тем и начать всякое дело. Делать работу надо добросовестно, сосредоточенно, не отвлекаясь. «Домострой» осуждает недобросовестную работу. «Кто в каком рукоделье нечисто готовит или в ремесле каком украдет или соврет… такие дела не угодны Богу… и за все взыщется с человека в день Страшного суда».

– И все-таки, давайте точнее определим, чем отличается русский труд.

– Прежде всего, это трудовая демократия и особенности мотивации к труду, состоявшие в преобладании моральных форм понуждения к труду над материальными (это я называю нестяжательством).

– Трудовая демократия – это то, что сейчас на Западе называется промышленной демократией?

– Близко, но не совсем так. На Запад различные формы трудовой демократии пришли из Японии, а до этого существовали преимущественно иерархические, авторитарные формы управления трудом (которые и до сих пор во многих местах преобладают).

В отличие от Запада в России было характерным неприятие иерархических структур и авторитарных форм в организации трудового процесса. Развитие хозяйства на Руси осуществлялось на началах трудовой демократии, самоуправления и самоорганизации, отражающих главные принципы существования трудовых коллективов того времени. Самым ценным национальным достоянием для русского человека в течение многих веков была община – демократический союз местного самоуправления, трудовой демократии, взаимопомощи и совместного владения землей. Параллельно с развитием общины на селе в городах происходило объединение ремесленников по профессиональным признакам на артельных началах. Уже данные XII века свидетельствуют об объединении русских ремесленников в корпорации, сходные с западноевропейскими цехами. В XIV–XV веках такой формой организации ремесленников становится «дружина» – самоуправляемая организация во главе со старейшиной или мастером. Причем дружина была одновременно и производственным коллективом, и общественной организацией, в чем было ее несомненное сходство с крестьянской общиной.

На Руси существовало большое количество различных форм объединения ремесленников, но все они тяготели к общинному самоуправлению, самоорганизации, порой даже обладали судебными правами. Часто ремесленники одной профессии селились рядом друг с другом, образуя, как, например, в Новгороде, «концы», «улицы», «сотни», «ряды», строили свои патрональные церкви, объединялись вокруг них в «братчины» или «обчины» с правами суда. Подобные объединения (гильдии, сотни) существовали и у купцов, которые строили свои церкви и имели право суда.

Древними организациями самоуправления городских тружеников были черные сотни и черные слободы, имена которых до сих пор сохранились в названиях улиц (Мясницкая, Куз-

нецкий мост, Кожевники). Каждая черная сотня составляла объединение ремесленников или торговцев, управляемых подобно сельскому обществу выборными старостами или сотскими.

Самой характерной формой трудовой демократии была артель, названная А. И. Герценом передвижной общиной. О ней мы расскажем в одной из следующих публикаций.

– Думаю, что напоминание об этих формах очень актуально и сегодня, когда речь идет о приватизации.

– Трудовая демократия – это неотъемлемая часть психологии и мировоззрения русского народа, с которой, хотят того нынешние власти или нет, но будут вынуждены считаться. Пушкин и Гоголь, Достоевский и Толстой, Герцен и Чернышевский, Менделеев и Вернадский, Гакстгаузен и Маркс отмечали глубокий демократизм русского труженика, подчеркивали жизненную необходимость сохранения и развития трудовой демократии, общинных, артельных принципов русского народа. «Русским идеалом, – многократно повторял Д. И. Менделеев, – отвечающим наибольшему благосостоянию нашего народа, является община». Он же считал, что наиболее перспективным путем развития русской промышленности должна быть передача ее предприятий в руки артельно-кооперативного хозяйства, то есть в рабочее самоуправление.

– Но, наверное, и принцип, который Вы называете нестяжательством, следует учитывать при сегодняшней приватизации и капитализации страны. Впрочем, сначала поясните, что это такое.

– В душе наших предков всегда коренилось обостренное чувство высшей справедливости – жить по правде, вознаграждать по совести. Недостойно для человека гнаться за богатством, за наживой, руководствоваться голым материальным расчетом. Народная мудрость проводит эту мысль постоянно.

– В последнее время стало модно говорить, что русский человек стремится к уравнительности в нищете, мол, лучше пусть все будут бедные, но не будет богатых.

– Это злостная выдумка антирусски настроенных людей, которые в стремлении русского человека к справедливости видят намерение уравнять всех в бедности. Я специально изучал этот вопрос. Русские никогда не стремились к уравнительности в доходах и заработке, напротив, в такой уравнительности они видели нарушение справедливости. Неправильно, рассуждали они, когда одинаково зарабатывает и хороший, и плохой работник.

– Но ведь, в самом деле, многие работники жили в бедности, так как мало зарабатывали.

– Заявление о низких заработках русских рабочих до 1917 года тоже миф. Развеять этот миф убедительно удалось видному экономисту академику С. Г. Струмилину, который проанализировал расценки труда на предприятиях России и западноевропейских стран и, сравнив их со стоимостью жизненных средств трудящихся, пришел к выводу, что в XVIII – первой половине XIX века реальная оплата труда русских рабочих была выше, чем западноевропейских.

Резкое падение реальных заработков произошло при советской власти. Доля работника в создаваемом им продукте снизилась с 1913 по 1980 год с 60 до 15–20 процентов. Кстати, только за год пребывания у власти так называемых демократов уровень жизни в России понизился почти в полтора раза, зато одновременно созданы многие тысячи миллионных состояний.

– Это можно почувствовать на себе… Сегодня все больше начинают говорить о том, что предреволюционная Россия была совсем не бедной страной, а наши представления о ее бедности сфабрикованы большевистской пропагандой.

– Россия в начале XX века была одной из самых богатых и быстро развивающихся стран, по темпам экономического роста опережала все страны, даже США, рубль был свободно-конвертируемым, а по своей покупательной способности стоил больше, чем доллар. Бурными темпами осуществлялось научно-техническое развитие.

России принадлежит приоритет и разработка вопросов научной организации труда. Еще задолго до Ф. Тейлора, в 60-70-е годы прошлого столетия, в Московском высшем техническом

училище разрабатываются и внедряются рациональные методы обучения кузнечному, токарному, слесарному и другим «искусствам». В 1870 году училище на мануфактурной выставке в Петербурге было удостоено золотой медали.

Через два года училище было удостоено еще четырех больших золотых медалей: в 1873 году на Всемирной выставке в Вене училище за свои учебные пособия по научной организации труда получает Медаль преуспевания.

Однако первыми применять русскую методику в широкой практике начали в США. В Массачусетском технологическом институте было построено специальное здание для учебных мастерских, в которых преподавание трудоведения велось по русской системе. В 1884 году три американских города – Чикаго, Толедо и Балтимор – организовали школы по типу массачусетских, а в 1885 году их примеру последовали Филадельфия и Омаха. Американцы так оценили русскую систему: «сберегает время и деньги».

– Как Вы оцениваете судьбу русского труда при советской власти?

– Голод, поразивший страну в начале двадцатых годов, не был стихийным, а объяснялся всеобщим развалом сферы труда и трудовых отношений, был нарушен естественный порядок труда, вызваны вперед худшие элементы, самые нетрудоспособные, и им дан перевес, а самые трудолюбивые подавлены.

Эту политику большевики в той или иной форме продолжали в течение 70 лет, в результате чего отдача трудового потенциала в России снизилась почти в пять раз.

Сегодня нас тоже ожидает голод, так как продолжатели политики большевиков – «демократы» сделали новый резкий виток по выдвижению вперед нетрудовых, паразитических элементов общества в ущерб самым трудоспособным. Мошенникам, спекулянтам, прохиндеям всех видов нынешний режим дает зеленую дорогу, тогда как трудящееся население ставится на грань выживания.

– По-моему, Вы все-таки сильно драматизируете обстановку, слишком много черной краски…

– Судите сами: в стране сложилось крайне уродливое соотношение между настоящими тружениками и людьми, работающими, чтобы только отделаться, предпочитающими праздность труду. Обследование, проведенное недавно, показало, что настоящее стремление работать как можно лучше, высокая самодисциплина, инициативность, творческое отношение к своим обязанностям свойственны только 25–30 процентам занятых в нашем народном хозяйстве, причем в основном лицам от сорока лет и старше. Примерно пятая часть работающих – лица с низкой трудовой активностью. Они инертны, праздность предпочитают работе. Нарушают трудовую дисциплину, отличаются слабой продуктивностью и низким качеством труда. Около половины взрослого населения нашей страны, хотя и понимает ценность трудолюбия и добросовестного отношения к труду, но не стремятся работать как можно лучше, не обладает высокой сознательной дисциплиной. Получается так, что, по крайней мере, две трети нашего населения трудно отнести к хорошим работникам. Степень отдачи трудового потенциала, начавшая повышаться в конце 1950-х годов, с конца 1960-х вплоть до настоящего времени неуклонно снижается.

Катастрофически увеличился разрыв в производительности труда между нашей страной и США, и в особенности в сельском хозяйстве. Если в конце XIX – начале XX века Россия делала стремительный рывок к сокращению этого разрыва, то в последние 70 лет (за исключением некоторых периодов) наше экономическое отставание становится все более и более явным. Оторвавшись от народных корней, превратив сферу труда в арену всевозможных социальных экспериментов, подменив национальную модель трудовой деятельности набором «временных инструкций», отказавшись от народных форм хозяйствования, мы все больше и больше теряем способность к продуктивному творческому труду.

Сегодня мы подошли к опасной черте, за которой теряются главные достоинства души народа – ее трудовые качества. Пока они продолжают жить в народной психологии преимущественно как потенциал, способный дать блестящие результаты. Но с каждым годом тысячелетний заряд этого потенциала слабеет: неработающие органы со временем атрофируются.

Чтобы остановить этот катастрофический процесс, надо встать лицом к нашей истории, вернуться к народным основам, традициям и идеалам, создать условия для возрождения народных форм хозяйствования и труда. Только в этих формах трудовой потенциал России, используемый сегодня не более чем на пятую часть, сможет дать полную отдачу.

Русская цивилизация

Беседа с главный редактором газеты «Русский вестник» Алексеем Алексеевичем Сениным, июнь 1992

А. А. Сенин: В ваших книгах «Русская цивилизация», «Русский труд» и «Воспоминание о народном хозяйстве», а также в некоторых статьях Вы постоянно проводите мысль о существовании особой русской цивилизации, путем которой должна следовать наша страна. Причину всех наших сегодняшних бед Вы видите в отказе от своего пути и переходе на западные рельсы, которые, по вашему мнению, не подходят нам.

О. А. Платонов: Да, идейной основой сегодняшнего общественного противоборства является борьба двух цивилизаций. С одной стороны, русской, преимущественно духовной цивилизации, во многом сродной с другими духовными цивилизациями – индейской, японской, китайской, исламской, а с другой стороны, – западной цивилизации, основанной на ценностях Талмуда, погоне за деньгами, гонке потребления и хищническом расходовании ресурсов, принадлежащих всему человечеству…

Русская цивилизация сильно деформирована в результате общественных катаклизмов последних 70-ти лет, но это не значит, что она погибла. Любой народ может существовать как народ только в силу принадлежности к родной цивилизации. Отказавшись от нее, он превращается в мертвеца…

Сенин: А не слишком ли это отвлеченное понятие, каким образом это влияние может осуществляться в жизни?

Платонов: Нет, это не отвлеченное понятие. Духовные ценности русской цивилизации выражаются в национальных стереотипах, народной психологии, народном сознании, без учета их мы не можем выбрать правильного пути. Отказываясь учитывать духовные ценности русской цивилизации, скажем, при разработке наших экономических и социальных планов, мы тем самым обрекаем их на неуспех, подводим под них мину замедленного действия. Все жизненные реакции, симпатии и антипатии, трудовая мотивация, способность к эффективному труду определяются национальными стереотипами и психологией и зависят от возможностей создания привычных условий существования.

Возьмем, к примеру, Японию. Эта страна, опираясь на народные традиции и обычаи, сумела так воспользоваться ценностями своей цивилизации, что в экономическом развитии опередила все страны мира, считается, что к 2000 году она перегонит США. Близки к феномену Японии Южная Корея, Гонконг, Тайвань.

Духовные основы, русская духовность – это совсем не убожество или юродство, как их интерпретируют сторонники западной цивилизации, а наше главное богатство, которое по-настоящему еще не востребовано…

Сенин: И все-таки, давайте вернемся и уточним понятия. Насколько я знаю, понятие «цивилизация» синоним понятия «культура». Если это не так, то объясните, какой смысл вы вкладываете в термин «цивилизация».

Платонов: Цивилизация – главная форма человеческой организации пространства и времени, выражающаяся качественными началами, лежащими в особенностях духовной природы народов, составляющих самобытный культурно-исторический тип. Каждая цивилизация представляет собой замкнутую духовную общность, существующую одновременно в прошлом и настоящем и обращенную в будущее, обладающую совокупностью признаков, позволяющих классифицировать ее по определенным критериям. Цивилизация не равнозначна понятию «культура» (хотя они нередко ошибочно отождествляются). Так, последняя представляет

только конкретный результат развития внутренних духовных ценностей цивилизации, имея строгое ограничение во времени и пространстве, т. е. выступает в контексте своей эпохи.

Разделение человечества на цивилизации имеет не меньшее значение, чем разделение на расы. Если расы представляют собой исторически сложившиеся разновидности человека, имеющие ряд наследственных внешних физических особенностей, которые образовались под действием географических условий и были закреплены в результате изоляции различных человеческих групп друг от друга, то принадлежность к определенной цивилизации отражала исторически сложившийся духовный тип, психологический стереотип, закрепившийся в определенной национальной общности вследствие особых исторических и географических условий жизни и генетических мутаций. Если принадлежность к расе выражалась в цвете кожи, строении волос и ряде др. внешних признаков, то принадлежность к цивилизации выражалась, прежде всего, во внутренних, духовных, психических и психологических признаках, самодовлеющих духовных установках.

Теория цивилизаций (культурно-исторических типов) впервые в мире разработана русским ученым Н. Я. Данилевским. До него господствовало представление, что человеческое общество развивается во всех странах одинаково, как бы линейно вверх, от низших форм к высшим. Сначала были Индия и Китай, потом высшие формы развития перешли в Грецию и Рим, а затем получили окончательное завершение в Западной Европе. Эти представления были рождены на Западе, т. е. Запад как бы принимал эстафету мирового развития, объявляя себя высшим выражением мировой цивилизации. Все многообразие культурно-исторических типов рассматривалось в рамках единой цивилизации. Эти ошибочные представления Данилевский убедительно опроверг. Он показал, что развитие идет не линейно, а в рамках целого ряда культурно-исторических типов, каждый из которых является по отношению к др. замкнутым духовным пространством, и оценивать его можно по его внутренним, присущим только ему критериям.

По учению Данилевского, общечеловеческой цивилизации нет и быть не может. Существуют лишь ее различные типы, такие как египетский, китайский, ассиро-вавилоно-финикийский, еврейский, греческий, римский, славянский (русский). Господство одного культурно-исторического типа, распространенное на весь мир, означало бы постепенную деградацию человечества. Разработанная Данилевским теория цивилизаций получила дальнейшее продолжение в трудах О. Шпенглера и А. Тойнби. Последний, развивая теорию Данилевского, пришел к выводу, что на земле существовали более чем два десятка цивилизаций. Но беда в том, что оценку этих цивилизаций Тойнби вел по западноевропейской шкале координат, с позиции ценностей западного человека. В его схеме не остается места для русской цивилизации, которую он формально относит к восточно-христианской, хотя ее основы сложились еще до принятия христианства.

Сенин: Вы считаете себя учеником Данилевского и Тойнби?

Платонов: Данилевского – да, Тойнби – нет. Тойнби оттолкнулся от учения Данилевского, но развитие его повел как западный человек, корнями проросший в догматы Талмуда. Естественно, он не был способен сформулировать понятие русской цивилизации, так как был закрыт от нее мифологией западного мира.

Впрочем, и Данилевский тоже не использовал понятие русской цивилизации, а говорил о славянской цивилизации. Я считаю это неверным. Западные и отчасти южные славяне не сохранили своей цивилизационной идентичности и стали бесхарактерным дополнением западной цивилизации. Об этом можно только сожалеть.

Сенин: Получается так, что приоритет разработки понятия русской цивилизации принадлежит Вам? Кто из прежних русских философов и мыслителей использовал это понятие?

Платонов: Понятие русской цивилизации ранее не использовалось. Приоритет введения этого термина, в самом деле, принадлежит мне… Однако мои разработки понятия русской

цивилизации являются логически продолжением, творческим выводом из великого открытия Данилевского о культурно-исторических типах. Я только слегка подтолкнул тот могучий механизм, поставленный на рельсы выдающимся соотечественником.

Если говорить о моей скромной заслуге, то она состоит в том, что я конкретизировал понятие русской цивилизации, фактически отождествляя ее с понятием Святая Русь.

Именно понятие Святая Русь объясняет неповторимые черты русской цивилизации. Святая Русь – особое благодатное свойство русского народа, сделавшее его оплотом христианской веры во всем мире. Жертвенное служение идеалам добра и справедливости, стяжание Духа Святого, устремленность к безгрешности и совершенству сделали русских новым Богом избранным народом. Осознание русским народом своего особого духовного предназначения прослеживается в «Повести временных лет» (XI в.). Причем богоизбранность понимается не как противостояние другим народам, а как особая миссия борьбы с мировым злом, миссия добротолюбия.

Святая Русь является духовным ядром, идеологическим и организационным началом русской цивилизации и в самых общих чертах ее синонимом. Святая Русь, русская цивилизация – понятия диаметрально противоположные понятию «иудейско-масонской цивилизации». Если последняя основывается на идеологии Талмуда, то Святая Русь воплощает в себе высшие достижения Нового Завета и по-христиански противостоит тайне беззакония, которую рождает Талмуд и вытекающая из него антихристианская глобализация.

«Святая Русь, – писал А. С. Хомяков, – создана самим христианством. Таково сознание Нестора, таково сознание святого Илариона и других. Церковь создала единство Русской земли и дала прочность случайности Олегова дела».

Духовные ценности Святой Руси раскрываются перед нами в возвышенной православной этике и добротолюбии, русской иконе, церковном зодчестве, трудолюбии как добродетели, нестяжательстве, взаимопомощи и самоуправлении русской общины и артели – в общем, в той структуре бытия, где духовные мотивы жизни преобладали над материальными, где целью жизни была не вещь, не потребление, а совершенствование, преображение души!

Русское Православие, воплощавшее ценности Святой Руси, было не только религиозной системой, но и состоянием души – духовно-нравственным движением к Богу, включающим все стороны жизни русского человека – государственную, общественную и личную. Русское Православие развивалось вместе с национальным сознанием и национальным духом русского человека. По мере возвышения национального духа возвышалось Православие, и, наоборот, разложение национального сознания вело к вырождению Православия.

Православный характер русской цивилизации определил свое понимание прогресса, свое видение духовности, свое отношение к собственности, свою модель труда и хозяйствования и, наконец, свою модель народоправия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.